

Анна Акимова

ЯД
ревности



КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Кабинетный детектив

Анна АКИМОВА

Яд ревности

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Акимова А.

Яд ревности / А. Акимова — «Эксмо», 2020 — (Кабинетный детектив)

ISBN 978-5-04-103829-8

Магда работала в бюро технического перевода. Работа не доставляла большого удовольствия, зато ей повезло в личной жизни – они с Игорем счастливы и собираются пожениться! Тем неожиданнее и больнее стал удар, когда Игорь вдруг объявил о разрыве. Магда старалась, но никак не могла привыкнуть к своей новой одинокой жизни. Раз за разом она пыталась встретиться с Игорем и выяснить, что же все-таки произошло, но он старательно избегал ее. А потом на Магду было совершено покушение, и она поняла: ситуация гораздо серьезнее, чем ей казалось...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103829-8

© Акимова А., 2020
© Эксмо, 2020

Анна Акимова

Яд ревности

КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Серия «Кабинетный детектив»

Оформление А. Рысухиной
Редактор серии А. Антонова

© Акимова А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Солнце миновало точку зенита и медленно катилось к закату, но до вечера было еще далеко. Летняя улица, переполненная машинами и людьми в ярких свободных одеждах, плавилась от жары, пахла бензиновой гарью и нагретым асфальтом.

Серая «Мазда» отчалила от ресторана «Сказка» и, мягко шурша шинами, помчалась по проспекту в сторону реки.

Мужчина лет пятидесяти, вальяжно развалившийся на заднем сиденье, с мягкой усмешкой посматривал на свою молодую спутницу.

Хороша козочка, ах хороша! Губастенькая, глазастенькая, с копной темных кудрей! А грудка, а попка! И каблучки как копытца: цок, цок! А запах! Духи и молодая, свежая кожа с легкой примесью коньяка и кофе – они-таки хорошо посидели в «Сказке»! Ах ты ж, козочка!

Его собственная супруга давно уже так не пахнет. Да и нюхал-то он ее сто лет назад. Спят в разных комнатах – не нравится ей, видите ли, что он храпит! На себя посмотри, чувырля! Расплылась, отупела, потеряла интерес к сексу. Убежать бы от нее куда глаза глядят, а нельзя! Положение не позволяет, имидж!

Слава богу, сейчас он свободен: жена с внучкой улетели в Турцию, дочка с зятем – на Пхукет. А он погуляет здесь. С козочкой. Сейчас они приедут на дачу, и там...

Он опять обвел взглядом спутницу, которая, достав зеркальце, сосредоточенно разглядывала в нем свою хорошенькую мордашку. Почувствовав его взгляд, она повернулась и, убирая зеркальце в сумочку, маняще улыбнулась. От грешных мыслей широкое, одутловатое лицо мужчины покраснело, во рту пересохло. Надо бы принять таблетку, но демонстрировать слабость перед «козочкой» не хотелось. Ничего, сейчас приедут на дачу... Вон мост уже показался впереди, переедем на ту сторону, а там уж близко...

Машина уже мчалась по шоссе вдоль реки, которая широкой лентой блестела далеко внизу – берег здесь был очень высоким и обрывистым. Вдоль шоссе, ближе к берегу, шла широкая, обсаженная кустами сирени и жимолости, асфальтовая аллея, которая к вечеру заполня-

лась гуляющими людьми, но сейчас была почти пуста. Вдали лента реки пересекалась ажурной полоской моста.

– Вау! – вдруг громко взвизгнула девушка и наманикюренным пальцем ткнула в окно. – Смотри, летит! Вау!

Он глянул – с высокого берега взлетал параплан. Ярко окрашенный купол наполнился воздухом, взмыл над рекой и, поймав ветер, стал набирать высоту. Еще два парапланериста копошились на земле, готовясь к полету.

– Останови! – вопила девчонка, подпрыгивая на сиденье. – Останови, я посмотреть хочу! Вау, вау, вау!!!

Он вздохнул про себя. Ну вот что интересного? Не видела она ни разу, что ли? Эти парапланы тут каждый день летают, клуб неподалеку. Никто уж и внимания давно не обращает, а этой дурочке, похоже, в новинку!

– Останови, Гоша, – снисходительно скомандовал он водителю. – Вон «карман», причаливай, постоим немножко...

Едва дождавшись остановки, «козочка» выскочила из машины и поскакала к обрыву. Остановившись на самом краю, она восторженно уставилась в небо, где летали уже все три параплана. Обеими руками она заслонялась от солнца, бьющего в глаза, слегка подпрыгивала и повизгивала.

Мужчина немного подождал, потом досадливо вздохнул и тоже выбрался из машины. Поддернув светлые брюки, которым неуютно сиделось на объемистом животе, он подошел к девушке и встал рядом.

– Ну ты чего, не насмотрелась еще? Поехали уже, а? Чего на жаре торчать!

– Сейчас, сейчас! – девушка вдруг замерла и резко дернула головой, как будто отгоняя назойливую муху. Она почувствовала знакомый холодок в затылке, и душа, как всегда, укатилась в пятки. Это была любимая шуточка Мора – перед тем, как прицелиться в «клиента», он брал на мушку ее. Он знал, что она все чувствует и боится, но «шутить» не прекращал. Мор – настоящий садист и психопат, никто не мог знать, чем кончится его очередная «шутка», поэтому ей всегда было страшно...

Ей казалось, то место, куда целил Мор, за долгие годы стало болящим нарывом, а волосы там поседели. И хотя в зеркале она не видела ничего такого, она, подкрашивая волосы, особенно старательно мазала краской затылок.

Однако в этой жестокой забаве Мора был один положительный момент: она всегда знала, когда Мор готов и надо отходить. Сейчас тоже поняла: пора!

– Я на минутку! – крикнула девушка и быстро побежала вдоль берега к кустам, росшим невдалеке. Мужчина повернулся и нерешительно посмотрел ей вслед. Куда это она? Пойти за ней? А вдруг там что-то интимное – пописать, или еще что?..

Что-то клюнуло его в висок, и голова взорвалась изнутри страшной болью. Грузное тело рухнуло на край обрыва и, цепляясь одеждой за сухие глинистые выступы, поползло вниз...

Дверка открылась неожиданно легко и бесшумно, и мальчик очутился на крыше. Он вылез из чердачного люка и восторженно огляделся.

Вау, здесь круто! Бездонное, ярко-синее небо и горячее солнце здесь гораздо ближе, чем внизу. Двор, со всей его суетой, мелочностью, дрызгами соседей из-за парковки, визгом мелкоты в песочнице, надоедливими бабками на лавочках, остался далеко внизу, его почти не было слышно в этом царстве свободы и солнечного небесного простора.

Правда, голос матери доносился и сюда. «Саша, Саша!» – орала мать, и он раздраженно морщился и дергал уголком рта, точно так же, как отец.

Мать бесила его. У всех были матери как матери, а у него – умалишенная. Это отец ее так называл – «умалишенная». Она наизусть знала все его школьное расписание, на каждой

переменке звонила и требовала отчета: где он, как он, какую получил оценку, поел ли, попил ли, не болит ли что-нибудь? Пацаны смеялись над ним, дразнили...

Выключать телефон было бесполезно – не получив ответа, мать срывалась с работы и приезжала в школу. На потеху пацанам, она отлавливала его, вертела во все стороны, одергивая на нем одежду и громко, так что все слышали, задавала те же вопросы: поел ли, попил ли, что с телефоном? А ему хотелось провалиться сквозь землю.

Отец тоже подсмеивался, говорил: «Погоди, Санька, потерпи еще годков с пяток. А там уж мать до военкомата проводит, последний разок памперс поменяет, сопли подотрет и отпустит наконец. Будешь свободен!»

Отцу было хорошо, он почти не жил дома. У него ответственная, опасная и, наверное, жутко интересная работа. Он уезжал в очередную командировку, а мальчик опять оставался наедине с матерью.

Даже на каникулах она не оставляла его в покое. Не давала играть на компьютере, смотреть ужастики, заставляла читать нудные книжки и не пускала играть в футбол с пацанами. Все боялась, что он сломает ногу, руку, шею... Да лучше сломать, чем так жить...

И вот сегодня он убежал от нее. Незаметно нырнул в соседний подъезд, поднялся на последний этаж и... вылез на крышу. Оказалось, в этом подъезде дверь на чердак открыта. У них закрыта, а здесь – нет! Он случайно подергал дверь, а она открылась! Пусть мать бежит там и орет: «Саша, Саша!» А он побудет тут.

Здесь клёво! А как далеко видно! Вон школа, спортплощадка, где они с пацанами играют в футбол. А в той стороне река и мост видно! Вау! А там что? Парашюты! Это парашюты! Один... еще двое! Вау!

Парашюты были его мечтой. В прошлом месяце они с пацанами ходили в их клуб – проситься, чтобы их записали в секцию. Их, конечно, поперли. Сказали, чтоб и думать не могли, пока восемнадцать не стукнет. Ему до восемнадцати еще пять лет, целая жизнь! Ничего, он дождет. Но как только стукнет восемнадцать, вот на следующий же день, он пойдет туда и запишется, и научится, и полетит!

Мальчик вытащил из кармана смартфон. Сейчас он снимет такое видео, что пацаны сдохнут от зависти! Отец подарил ему крутой смартфон, фотки и ролики получаются такими, что пацаны воют. А сейчас он снимет такое, чего ни у кого не будет – настоящие парашюты! Надо подойти поближе к краю, оттуда лучше видно.

Мальчик двинулся к краю крыши, огибая выступ чердачного люка, и вдруг остановился, замер и даже присел. Сердце его сжалось от неожиданности и испуга, дыхание прервалось.

У края крыши лежал человек. Оттуда, где стоял мальчик, он был виден как на ладони. Человек лежал на животе на разостланном куске полиэтилена, и в руках у него была винтовка. Он целился куда-то в сторону реки.

«Снайпер», – понял мальчик. Он много раз видел такую картинку в кино и по телевизору. Только там люди были в камуфляже, а этот одет обычно. Мальчик видел подошвы кроссовок, джинсы, легкую куртку и бейсболку, надетую козырьком назад. Рядом стояла синяя спортивная сумка.

Наверное, это игра! Он слышал про такие. Собираются люди и играют в войнушку. А еще иногда бегают по городу, ищут какие-то клады или разгадывают какие-то загадки. Называется «реконструкция» или «квест». Клево! Он бы тоже сыграл!

Мальчик бесшумно отполз за выступ чердачного люка и, блестя глазами от азарта и восторга, начал снимать. Вот это да! Это покруче парашютеристов! Он скажет пацанам, что это настоящий снайпер!

Раздался негромкий короткий звук, снайпер слегка дернулся от толчка приклада, и мальчик понял, что он выстрелил. Интересно, холостым патроном или просто пальнул в воздух?

Человек, лежавший у края крыши, гибко извернулся и сел, не выпуская из рук винтовку. Мальчик увидел его лицо, блестящее от пота, колечки мокрых волос, выбивавшиеся из-под бейсболки, перчатки на руках. Четкими, уверенными движениями стрелок начал разбирать винтовку.

Мальчик отполз подальше за край кирпичной кладки, окружающей чердачный люк, и почти машинально активировал рассылку. Он всегда сразу отправлял ролики и фотки. В контактах у него были трое приятелей и отец. Пусть любуются и гадают – кто это и что это!

Так, теперь надо линять! Не всем нравится, когда их снимают, этот тип может накостылять по шее, а то и телефон отнять! Пока он там возится с винтовкой, надо успеть нырнуть в люк!

Мальчик сунул телефон в карман, осторожно выглянул из-за угла и увидел, что снайпер уже убрал винтовку в сумку и теперь сматывает полиэтилен. Мальчик осторожно и бесшумно двинулся к дверке, через которую вылез на крышу – она так и осталась открытой. И в этот момент телефон в его кармане зазвонил.

Попался! Какой он дурак, что не выключил телефон! Наверное, звонит кто-то из пацанов, получивших ролик!

Уже не осторожничая, мальчик кинулся к дверке. Он почти нырнул в спасительный полумрак, но тут сильная рука в перчатке схватила его за ворот футболки, безжалостно сжимая горло, выволокла обратно на крышу и швырнула на горячую от солнца бетонную поверхность. Падая, мальчик ободрал локоть, но даже не обратил внимания на боль, потому что на него смотрели глаза убийцы.

Бейсболка на мужчине была теперь надета козырьком вперед, и глаза оказались в тени, но мальчик хорошо видел их. Это были странные и страшные глаза – бледно-голубые, почти бесцветные, с очень узкими зрачками. И они не выражали ничего – ни гнева, ни досады, ни жалости. Мужчина, сидя на корточках перед лежащим мальчиком, смотрел на него бесстрастно, как питон, и тот понял, что ему уже ничто не поможет.

Было тихо, как будто здесь, на крыше, уже наступила смерть. Только снизу, со двора, где бурлила жизнь, доносились звуки. Мальчик слышал, как там надрывно, как тоскливая чайка, кричала мать: «Саша, Саша!»

– Мама! – беззвучно, одними губами, сказал мальчик.

Мужчина со страшными глазами сделал резкое движение рукой, и яркое синее небо полетело вниз, прямо ему в лицо...

В кармане у мальчика вновь блякнул телефон. Убийца двумя пальцами залез в тесный кармашек детских джинсов, с трудом извлек телефон, быстро просмотрел содержимое памяти и присвистнул:

– Ё-сып на кобыле!..

Через несколько минут человек в надвинутой на глаза бейсболке, с большой спортивной сумкой на плече вышел из подъезда, легко сбежал по ступенькам крыльца и быстрым шагом скрылся за углом.

Девушка под прикрытием кустов отбежала как можно дальше и оглянулась. На обрыве, где они стояли только что, никого не было. Мор, как всегда, сработал чисто. Аллея тоже была пуста. Машина, на которой они приехали, спокойно стояла на прежнем месте. Водитель, скорее всего, ничего не заметил, как всегда уткнувшись в смартфон. «Профукал хозяина, боров!» – злорадно подумала девушка. За те несколько дней, что они были знакомы, водитель Гоша просто достал ее своими косыми презрительными взглядами. Пусть теперь попляшет...

Чувство радостного облегчения охватило ее. Дело сделано, дальше все будет проще. Уже спокойно, не торопясь, она пересекла шоссе и двинулась в глубь городских кварталов, где, в отличие от пустынного берега, бурлила жизнь.

Пути отступления были проработаны заранее, и она уверенно, не раздумывая, шла вперед. Вот и нужная кафешка. Она зашла, взяла кофе, не торопясь, выпила его за столиком и отправилась в туалет.

В кабинке она достала из сумочки большой полиэтиленовый пакет, сунула туда сумочку и парик, расчесала короткие рыжие волосы и влажными салфетками стерла с лица яркую косметику. Еще несколько движений – суперкороткая мини-юбка удлинилась и наполовину прикрыла колени, а пристегнутый к блузке скромный воротничок скрыл вызывающее декольте. Она сама шила себе вещи-трансформеры и знала в этом толк. Напоследок она надела очки в тонкой металлической оправе.

Из кабинки вместо яркой, вызывающе одетой, слегка вульгарной девицы с модной, приметной сумочкой вышла обычная молодая интеллигентная женщина с полиэтиленовым пакетом в руке. Даже походка у нее стала другой. Единственное, что в ней осталось неизменным – белые босоножки на каблучке, но общего впечатления они не портили.

Девушка вышла из кафе и пошла обратно к шоссе. Этого не следовало делать, но она не могла побороть любопытства.

Близко она подходить не стала, посмотрела издали. Там уже царил суматоха. У берега стояли машины полиции и «Скорой помощи», клубилась толпа, которая росла с каждой минутой. Немного в стороне стояли парапланеристы, все трое, и что-то говорили человеку в полицейской форме, возбужденно размахивая руками. Это не испугало ее. Даже если они вели съемку, ее лица там не будет, недаром она закрывалась руками.

Ее голова вдруг резко дернулась, как будто отгоняя надоедливую муху. Девушка на секунду приостановилась и коротко, со свистом втянула воздух сквозь стиснутые зубы. Опять! Это движение головой было почти произвольным, что-то вроде нервного тика. Оно возникало все чаще и начинало сильно беспокоить ее. Видимо, нервы совсем расшатались, а это было опасно, очень опасно. С этим надо что-то делать, но она пока не могла придумать, что именно. Но она придумает, непременно придумает, она справится!

Девушка свернула к остановке и скоро уже ехала на другой конец города, в условленное место. Интересно, как там дела у Мора? Телефона у нее не было, как и у него, они никогда не ходили на акцию с телефонами.

Народу в автобусе было мало, и ей удалось удобно сесть на теневой стороне у окна. Ветерок, залетавший в открытые люки, приятно обдувал лицо, и она улыбалась, ей было комфортно и спокойно. Об убитом человеке она не думала.

Пробок еще не было, автобус шел быстро, и вскоре она доехала до нужной остановки, вышла и пошла к условленному месту.

Мора она увидела издали. Он сидел на скамейке в маленьком сквере и хлебал фанту из маленькой бутылки. Сумки рядом с ним не было, значит, винтовка уже в тайнике, в машине...

Они на мгновение встретились глазами, и она прошла мимо. Им предстояло порознь добираться до места, где они жили на очередной съемной квартире. В этом городе их больше ничего не держало.

Сидя в такси, которое везло ее в аэропорт, она уже не улыбалась. Ее лицо было хмурым и задумчивым.

Показалось ей или нет, что с Мором сегодня что-то не так? Перед ее внутренним взором снова и снова возникало его лицо там, в сквере. Лицо, которое было ей знакомо до последней черточки, и все оттенки чувств Мора она могла читать по нему, как по книге...

Обычно после того, как дело было сделано, Мор становился расслабленным и благодушным, как наевшийся удав. Но сегодня он был другим.

Посторонний ничего бы не заметил, но она видела... Чуть сведенные брови, сжатые губы, ушедшая в плечи голова, напряжение в руке, державшей бутылку... Что-то было не так, что-то случилось...

Она уже через пару часов попадет домой, но Мор будет добираться на машине и приедет только завтра. Только завтра она узнает, в чем дело...

Ничего, она потерпит. Пока еще нет причин впасть в панику. Но надо быть ко всему готовой...

«Режим максимальной опасности!» – скомандовала она себе. Мозг передал команду организму, и она почувствовала, как кровь быстрее побежала по сосудам, участилось дыхание, обострились зрение, слух, обоняние. Это состояние повышенной мобилизации она называла жаргонным словечком «улет» и умела вызывать его у себя в нужный момент. В этом состоянии она становилась воздушно-легкой, как бы парящей над землей, и остро чувствовала опасность. Она сканировала лица людей, звуки их голосов и дыхания, даже запахи. И если от кого-то исходила угроза, она ловила ее, как антенна – радиосигнал. Эта ее способность несколько раз спасала им с Мором жизнь...

Пока опасности не было, но она приказала себе не расслабляться. Они уже подъехали к аэропорту, и таксист, чертыхаясь, искал место для парковки. Она внимательно осмотрела площадь перед зданием аэропорта, снующих туда-сюда людей – все было спокойно. Только бы удалось выбраться из города...

Водитель вытащил из багажника ее чемодан, мимолетно удивившись его легкости, поставил на землю, пожелал счастливого пути и долго смотрел вслед пассажирке. Ишь, очкастенькая! Идет, как летит над землей, пряменькая, как струночка! Секретарша, наверное, горбится весь день за компьютером, вот и испортила глаза. А так-то хороша!

Она чувствовала взгляд водителя – в состоянии «улета» она улавливала все. Таксист ее не тревожил – он был неопасен. Она спокойно катила по асфальту почти пустой чемодан, который забрала из камеры хранения перед тем, как сесть в такси – он был нужен исключительно для маскировки, – и продолжала сканировать окружающее пространство. Все было спокойно...

– Снова они! Парочка эта! Город Нижнереченск. Убит Смышляев Глеб Вениаминович, чиновник мэрии. Против него собирались возбудить уголовное дело о коррупции. Он об этом не знал, но кто-то из вышестоящих, видимо, был в курсе и опасался, что ниточка потянется к нему...

– Ты уверен, что это те же самые? – плотный седоватый мужчина побарабанил пальцами по столу и в упор взглянул на своего собеседника.

Тот был лет на двадцать моложе, высокий, тонкий и гибкий, с узким живым лицом, с близко посаженными карими глазами. Звали его Владимир Ильич, и, конечно, он имел кличку «Ленин», хотя совсем на него не походил, несмотря на то, что был лысоват и носил усы.

– Уверен, Иван Андреевич, – ответил он. – Уж больно характерный почерк. Жертва убита из снайперской винтовки, оружие не найдено, как и в предыдущих случаях. Снайпер не сбрасывает оружие после убийства, видимо, работает одной и той же винтовкой. Во-вторых, действуют всегда вдвоем: девица знакомится с жертвой и выводит ее на условленную точку. Буквально за секунду до выстрела отходит в сторону и как будто растворяется в воздухе. Никто из свидетелей, если они есть, не помнит, куда она девается. Ну, это понятно: снайпер стреляет, жертва падает, все внимание на убитом, про его спутницу забывают... На их счету уже гора трупов, гуляют по всей стране. И как всегда, никаких следов... Но в этот раз у них все же произошла осечка...

Владимир Ильич отвел глаза и тоже побарабанил пальцами по столу.

– Володя! – поторопил его начальник. – Чего резину тянешь? Рассказывай!

Владимир Ильич поморщился, поднял хмурые глаза.

– Тяжело про такое... Словом, был свидетель, и они его убрали. Ребенок, мальчик, тринадцать лет...

– Так. Поподробнее. – Иван Андреевич откинулся в кресле, и на его лицо словно легла тень.

– Смышляев был застрелен на берегу реки. Его водитель показал, что вез его и девицу на дачу. Недалеко от моста она потребовала остановить машину и побежала смотреть на парапланеристов, которые в это время летали над рекой. Смышляев вышел за ней. Самого момента убийства водитель не видел – играл на смартфоне. Когда спохватился, ни Смышляева, ни девицы на берегу уже не было. Водитель забеспокоился, побежал искать и обнаружил хозяина лежащим под обрывом с пулей в голове. Девица испарилась.

– Фоторобот ее есть?

– Есть, да толку мало. Килограмм косметики на лице, умоется – не узнаешь.

– А летуны эти? Заметили что-нибудь?

– Тоже мало чего. Парочку на берегу видели, но внимания особого не обратили, привыкли уже к зрителям. И съемки в тот день никто из них не вел. Один видел, как девчонка вдруг побежала к кустам, так верите: говорит, глаза отвел. Подглядывать, мол, не хотел. Деликатный... Другой видел, как она пересекала шоссе, но куда делась после этого, не знает.

– Так, дальше...

– Дальше водитель вызвал полицию. Трассологи определили место, откуда был произведен выстрел – высотка на другой стороне шоссе. Ну, а там, на крыше, уже нашли место «лежки» и труп мальчика. Сломаны шейные позвонки...

Иван Андреевич болезненно поморщился и потер шею.

– Мальчонку-то опознали? Как он на крыше оказался?

– Опознали сразу же. Саша Кутмин, тринадцать лет. Он живет... жил в этом доме. Мать бегала по двору, искала его... Он от нее сбежал. Он от нее часто бегал, она допекала его излишней опекой... Вот он и полез на крышу...

– Ох-хо-хо! – Иван Андреевич опять потер шею. – Отца-то нет, что ли?

– Отец, Алексей Кутмин, кстати, бывший сотрудник полиции, опер, не поладил с начальством, ушел... Сейчас – сотрудник МЧС, был в командировке, в области, там сейчас горят леса. До него удалось дозвониться к вечеру, а приехал он только в середине следующего дня.

– Не позавидуешь мужику, – вздохнул Иван Андреевич.

– Да не говорите, – согласился Владимир Ильич. – Сын погиб, а жена, похоже, умом повредила. Сейчас в психушке, и врачи никаких надежд не дают. Но мужик сильный, с головой в горе не ушел, и с его приездом ситуация получила дальнейшее развитие. Эх, если бы удалось его раньше вызвонить!

– В смысле? – не понял Иван Андреевич.

– Отец мальчика, когда узнал о гибели сына, прислал нам ролик... Сейчас я загружу его на ваш компьютер... Видите?... Обратите внимание на время – снято в момент убийства Смышляева!

Иван Андреевич внимательно вглядывался в экран.

– Ч-черт! Это же снайпер!.. Момент выстрела!.. Поворачивается... Лицо! Лицо как на ладони!..

– Этот ролик мальчик прислал отцу в тот день. – Владимир Ильич сел на свое место и закинул ногу на ногу. – Но отец был занят и открыл видео только вечером. Ничего не понял, стал звонить сыну, но тот уже не отзывался...

Иван Андреевич пощелкал кнопками компьютера, и лицо снайпера замерло на экране, увеличилось и приблизилось.

– Телефон мальчика нашли?

Владимир Ильич молча покачал головой.

– Значит, убийца его забрал. – Иван Андреевич неотрывно смотрел на экран, словно стараясь запомнить застывшее на нем изображение. – Он знает, что мальчонка его снял... И что разослал... по крайней мере, предполагает... Он только отцу ролик послал?

– Нет, еще троим друзьям... у них уже изъяли...

– В интернет не слили?

– Клянутся, что нет, не успели.

– Ладно... В розыск объявили?

– Конечно. Эх, если б сразу этот ролик к нам попал, может, по горячим следам бы взяли.

А так... видимо, из Нижнереченска он ушел, просочился... Результатов пока нет...

– Как думаешь, что он теперь будет делать?

– Ну, для начала скроется, заляжет в берлогу.

– Ну, долго-то в берлоге не пролежишь...

– Не забывайте, что у него есть сообщница, есть кому поесть-попить принести. Но вечно лежать, конечно, не станет. Я думаю, он будет менять лицо...

– Пластические клиники, подпольные хирурги?..

– Взяты под наблюдение...

Иван Андреевич встал из-за стола и заходил по кабинету, хмурясь и покусывая губы.

– Мало у нас времени, Володя, – сказал он, останавливаясь напротив. – Ищи его! Пока у нас есть его лицо – ищи! К каждому пластическому хирургу мента не приставишь. Найдет лазейку, поменяет личину и уйдет! А ведь он ребенка убил! Ищи! Заказчиков ищи, посредников! Грош нам с тобой цена, если мы его не найдем!

Сера сидела поперек кресла, перекинув ноги через подлокотник. Поза оказалась неудобной, но менять ее было лень. На животе у нее стоял ноутбук, на экране которого застыло лицо Мора. Сера не подозревала, что это же лицо, в том же ракурсе, красовалось сейчас на экране в одном из столичных кабинетов, хозяином которого был человек по имени Иван Андреевич.

На Сера были только шорты и майка, но это не спасало от жары. Она завидовала Морю, который валялся на диване в одних трусах, и мысленно проклинала эту чужую квартиру, в которой не было кондиционера.

Мора она тоже мысленно проклинала. Это по его вине они сейчас были как в ловушке в этой неудобной конуре, одной из тех бесчисленных съемных халуп, которые они беспрестанно меняли, нигде не задерживаясь надолго.

– Сера! – подал голос Мор. – Сбегай за пивом, а? За холодненьким!

– А пятки тебе не почесать? – огрызнулась она. – Совсем сдурел? Тебя от пива развезет, а сейчас голова должна быть ясной.

– Раскалывается эта голова! И вообще, имею право! Отходняк у меня!..

Сера повернула голову и в упор глянула на Мора.

– Ты ни на что не имеешь права! Ты облажался! Ты сделал так, что твои фотоморды висят сейчас на стендах во всех полицейских участках и тебя ищут на просторах всей страны!

Пружины дивана угрожающе скрипнули. Мор одним движением взметнул себя вверх, перелетел через комнату и навис над Серой.

– Хватит выклеивать мне мозг, – прошипел он, по-собачьи поднимая верхнюю губу и очеривая острые белые зубы. Его светло-голубые глаза с крохотными зрачками впились в Серу.

Сера поморщилась от запаха пота. Вообще-то она старалась не связываться с Мором, не злить его. Она никогда не забывала о смертном холодке в затылке... Но сегодня ей не было страшно. Мор в ее руках. Ему одному не выбраться. Каким бы психопатом он ни был, а своей жизнью дорожил, уж ей ли не знать! И пока они не выберутся из страны, он ее пальцем не тронет!

Настанет день, и она его убьет. Убьет и станет свободной. Свободной от его тупого упрямства, животного эгоизма, от его зверских шуточек, пошлого жмотства. Как она устала от всего этого!

Сегодня ночью она подумала было, что пора, что уже можно... Но сейчас передумала. Не-ет, подождем, потерпим... Из него еще можно кое-что выжать себе во благо... Час свободы еще не настал, но он близок, близок...

– Пойди, прими душ! – спокойно глядя Мору в глаза, сказала она. – Кстати, посмотри, что я нашла!

Сера повернула ноутбук к Мору. Тот бросил взгляд на экран и сразу обмяк. Зверское выражение исчезло с его лица, оно стало заинтересованным.

– Ё-сып на кобыле! – воскликнул он. – Никогда бы не поверил!

– А я тебе что говорила! – Сера захлопнула ноутбук и стала выбираться из кресла. – Значит, так. Завтра выдвигаемся! Времени у нас мало.

Магда Елышева вышла из лифта на седьмом этаже и долго топталась перед дверью, нащаривая ключи. Роясь в сумке, перетряхивая косметичку, кошелек, платки, она стискивала зубы и мрачно сопела. Настроение было препаршивым, но не пропавшие ключи стали тому причиной. Сегодня она встречалась со своей школьной подругой Томкой Лушиной и услышала от нее то, что совершенно выбило ее из колеи.

Ключ наконец нашелся, замок мягко щелкнул. Еще в прихожей Магда услышала громкие, перебивающие друг друга мужские голоса и хохот. Голос Игоря звучал нормально, остальные имели характерный отзвук телеэфира. Ну понятно. Происходила очередная пивная скайп-вечеринка. Игорь и его закадычные «друганы», сидя перед компьютерами, сосут пиво из бутылок, чокаются бутылками через мониторы и галдят, как стадо павианов.

Магда тоскливо вздохнула. Ох, как некстати! Сейчас придется здороваться с Игоревыми друзьями, о чем-то говорить, отвечать на вопросы... А там, конечно, Антон, которого она не хочет видеть категорически!

Но ничего не поделаешь... Магда повесила сумку на крючок, скинула туфли, сунула ноги в тапочки и вошла в гостиную.

Ее любимый сидел, развалившись на диване, в тельняшке и джинсах, с пивной бутылкой в руке. Перед ним стоял ноутбук, из которого неслись не совсем трезвые голоса. Рядом с Игорем валялся рыжий кот Васюган. Задняя часть кота помещалась на диване, а голова и передние лапы свисали вниз. Задние лапы были не поджаты, а вытянуты, трогательно торчали наивные подушечки-пятки. Словом, Васюган в данный момент являл собой, может быть, единственный в мире образец кота в состоянии алкогольного опьянения. «Картина маслом», – вздохнула Магда, стоя в дверях гостиной.

Когда-то Игорь, забавы ради, угостил Васюгана пивом, и совершенно неожиданно коту это понравилось. С тех пор Васюган неизменно составлял компанию хозяину в пивных «загулах», а Игорь на любые выпады Магды против этих самых «загулов» выдвигал железный аргумент: если коту нравится пиво, то ничего плохого в нем нет и быть не может, потому что коты – лучшие дегустаторы пищевых продуктов.

Вылакав плошку пива, Васюган блаженно хмелел и засыпал в самых причудливых позах. Это страшно веселило Игоря. Фотографиями пьяного Васюгана была забита вся его страница в интернете.

Игорь, почувствовав присутствие Магды, вскинул на нее глаза и широко улыбнулся.

– Муха! – воскликнул он. – Наконец-то! Я уж беспокоиться начал! Мужики, – сказал он в ноутбук. – Тут красавица моя пришла, давайте закругляться!

– Магдуля! – понесся из ноутбука пьяноватый тенор Антона Чечетова. – Дай хоть на тебя посмотреть, Магдуля-дорогуля! Ты каялась ли на ночь, Магдалина?

От этого голоса, от дурацкой клички «Магдуля», от давно приевшейся плоской шутки про кающуюся Магдалину, которая Антону страшно нравилась, Магду прямо затошнило. Она хотела, не отвечая, уйти на кухню, но Игорь, у которого было отличное настроение, схватил ее за руку и притянул к себе, так что она плюхнулась прямо к нему на колени.

Магда очутилась перед экраном ноутбука, на котором, каждый в своем «окошке», торчали Игоревы «друганы». Кроме Антона здесь были еще Дима Батищев и Вовка Пронин, давно перебравшийся в Москву. У всех троих в руках были пивные бутылки.

– Привет, Магда! Магда, привет! – хором сказали Дима и Вован, отсалютовав Магде бутылками.

Она сделала над собой усилие, улыбнулась и, стараясь не смотреть на ухмыляющуюся физиономию Антона, помахала рукой.

– Привет, ребята! Как дела?

Они поболтали несколько минут о том о сем. В основном говорил Вовка, хвастаясь своей новой машиной. Судя по всему, ее-то друзья и «обмывали» в скайпе. Потом Игорь сказал:

– Ну пока, мужики, созвонимся на днях!

Он захлопнул ноутбук, обхватил длинными руками Магду, прижал ее к себе и покачал на коленях.

– Муха! Ну ты чего такая кислая? На работе что-то? Баба Люба опять словарь заныкала? Комп глючит? Хочешь, я тебе нашего сисадмина подгоню?

Магда взглянула в его глаза. Спросить? Вот прямо сейчас взять и спросить... Нет, не сейчас!

Она сползла с колен Игоря, села рядом, кивнула на Васюгана.

– Пьяница кот – позор семьи, – устало сказала она. – Может быть, ты наконец перестанешь спаивать бедное животное?

Игорь захохотал.

– Муха, Васюган – не кот, Васюган – человек в котовой шкуре и мой друган! Правда, Вася?

Он погладил кота по длинной спине, слегка потрепал толстый пушистый хвост.

– Мрры! – сказал Васюган и сладко потянулся, вытягивая лапы и веером распуская когти.

– Видишь? – опять захохотал Игорь. – Подтверждает!

– Вижу, – мрачно и безнадежно сказала Магда.

– Муха, ну Муха! – Игорь опять притянул ее к себе, крепко прижал, чмокнул в щеку. – Ладно! Если ты так паришься по этому поводу, то мы с Васюганом завязываем с пивом! Переходим на кефир! А для скайп-сейшенов я буду кефир наливать в пивную бутылку. Есть такие, темные, не разберешь, что налито.

Он еще крепче прижал ее к себе и, раскачиваясь вместе с ней, громко и торжественно продекламировал:

– Пиву – нет! Кефиру – да!

Будем вместе мы всегда!

Муха, Игорь, Васюган —

Форева! Урра!

Магда невольно заулыбалась – Игоревы «кричалки и вопилки» всегда ее смешили. Он пек их как блины, по любому поводу и без повода, и это ребячество во взрослом, сильном мужчине трогало Магду.

– Твоя поэзия порой достигает поистине винни-пуховских высот! – насмешливо сказала она.

– Винни-Пух, Винни-Пух, перекушал и опух! – громко запел Игорь. – Винни-Пух, Винни-Пух, Винни-Пушечка! О, кстати! Можешь называть меня просто: Пушкин! Уменьшительно-ласкательно от Пуха!

– Просто Пушкин? – восхитилась Магда. – Как мило и скромно!

– Да, я скромн! – Игорь важно похлопал себя по животу. – Зачем мне почести и слава? – Он схватил со стола пивную бутылку, прищурившись, разглядел ее на свет и, обнаружив там глоток пива, вылил его в себя. – Да, именно так! Просто – Пушкин! Член «общества чистых бутылок»!

И он гордо потряс перевернутой бутылкой перед носом у Магды.

– Скорее пустых, – Магда отобрала ее у Игоря и поднялась. – А насчет пива и кефира – ловлю на слове! Я иду греть ужин. Ты ужинать-то будешь, Пушкин?

– А ка-а-ак же! – Игорь тоже поднялся, подхватил Васюгана, сунул его под мышку и, шаркая шлепанцами, пошел за ней, бормоча на ходу:

– Ужин я врагу не дам, ужин слопаю я сам!..

Магде так и не удалось заснуть в эту ночь. Промаявшись в постели несколько часов, она выползла в пижаме на балкон и с ногами залезла в шезлонг.

Светлая летняя ночь была безветренной и жаркой. Над крышей соседнего дома маячил тоненький, чахлый серпик луны. Где-то за дорогой перегавкивались собаки, им тоже не спалось в эту маятную ночь.

Кот Васюган неслышно просочился на балкон, запрыгнул к Магде на колени и громко запел, затоптался, выпуская когти и довольно чувствительно царапая ее через тонкую ткань пижамы.

– Вася, больно! – шепотом укорила его Магда. Васюган подумал и повалился на спину, подставляя пузо. Магда почесывала кота и думала свою трудную думу.

Вчера ей на работу позвонила школьная подруга Томка Лушина и категорически потребовала явиться в обеденный перерыв в их любимое кафе.

Магде не хотелось куда-то ехать, работы было невпроворот, она рассчитывала перекусить прямо на рабочем месте, но Лушина заявила:

– Магда! Если я с тобой сегодня не поговорю, то просто лопну! Или ты отрываешь задницу от стула и хилиаешь в кофейную хазу, или я сажусь на помело и прилетаю в ваш курятник!

Это не было пустой угрозой. Томка вполне способна без всяких церемоний заявиться в их тихую контору и выбить из колеи всех сотрудников, начиная со старенькой Любви Моисеевны, трепетной и боязливой, и заканчивая корректным, сдержанным начальником Борисом Михайловичем.

Томка Лушина большая, толстая и красивая. Так она сама себя описывала мужчинам, с которыми знакомилась в интернете. Она и в самом деле была такой – большой и красивой. Толстой? Ну, пожалуй, нет... Просто пышной, фигуристой, цветущей... Но сама себя она считала толстой и в детстве и ранней юности очень этого стеснялась.

Все школьные годы Магда и Томка просидели за одной партой и были неразлучны. Их так и звали – Лыша и Луша. Клички, происходящие от фамилий – Елышева и Лушина, – почти всегда произносились вместе. Как раз тот случай, когда сходятся противоположности.

Магда и Томка были яркими антиподами. Зеленоглазая темноволосая Магда, стройная, спортивная и длинноногая, казалась сдержанной и холодноватой. Но на самом деле она была очень вспыльчива и порой выходила из себя так, что непоправимо портила отношения с людьми. Этих вспышек гнева Магда стыдилась, даже боялась и всячески с ними боролась. Она окончила факультет иностранных языков Тайгинского педуниверситета и работала в бюро технического перевода: переводила с английского и немецкого языков финансовые и юридические документы, разные инструкции и спецификации к импортному оборудованию. Работа

не доставляла ей большого удовольствия, казалась скучной, но делала она ее блестяще и считалась ценным сотрудником.

Томка Лушина была яркой брюнеткой с большими выразительными карими глазами. Темпераментная, эмоциональная, Томка вела себя порой бесцеремонно и вызывающе, но Магда знала, что внутри она мягкая, незлобивая и очень ранимая. Помимо обычной школы Томка окончила еще и музыкальную, а потом Новосибирскую консерваторию и теперь играла на скрипке в симфоническом оркестре Тайгинской филармонии.

Уезжала после школы в Новосибирск одна Томка – скромная, застенчивая толстушка, а вернулась совсем другая. Магда прямо не узнавала ее. Томка ярко красилась и одевалась, вела себя уверенно и не комплексовала больше по поводу своей полноты. Но более всего удивило Магду новое увлечение Томки. Это была не более и не менее охота на мужчин! Причем охота спортивная – не ради «добычи», а ради самого процесса. Это было то, что называлось модным словечком «пикап».

С Томкой совершенно невозможно стало появляться в местах, где присутствовали мужчины. Стоило ей заметить достойный внимания объект, как начиналось...

Магда не понимала, как Томка это делает, но при виде «дичи» ее лицо совершенно менялось – глаза широко распахивались, на полных губах появлялась загадочная полуулыбка, что-то еще происходило с бровями, ресницами, даже с носом и ушами, и в воздухе разливался оглушительный аромат соблазна. Этот неосязаемый запах притягивал мужиков словно магнит, они слетались к Томке, как осы на варенье, и начинали назойливо клеиться, порой так глупо и топорно, что тошно было смотреть...

– Ты, Томик, как самка тутового шелкопряда, выделяешь феромоны, вот к тебе самцы и сползаются со всех сторон, – язвила Магда.

– Кто такие эти шелкопряды? – рассеянно интересовалась Томка.

– Червяки такие, – объясняла он. – У них у первых эти феромоны и обнаружили...

– Никогда не думала, Магда, что ты обзовешь меня червячихой, – обижалась Томка. – И что это за неприличное слово на букву «хэ»?

– Не на «хэ», а на «эф», бестолочь! – сердилась Магда. – Феромоны – это летучие химические вещества, выделяемые животными для привлечения особей противоположного пола.

– Ты, конечно, можешь считать меня животным, – обиженно поджимала губы Томка, – только химия тут совсем ни при чем. Это – пикап! Это искусство, тонкое искусство, а не какие-то хреномоны!

– Человек – это тоже животное. А что касается пикапа... Раньше эти ужимки называли просто: строить глазки. А тут обозвали английским словечком и думают, будто открыли что-то новое! А ты с этим своим пикапом доиграешься! Нарвешься на какого-нибудь маньяка!

– Не зуди, – отмахивалась Томка. – Что я, нормального мужика от маньяка не отличу?

На это Магда не знала, что ответить, и только крутила пальцем у виска.

Подобные разговоры в разных вариациях происходили часто, но ни к чему не приводили. Томка продолжала пикаперствовать, или, как говорила Магда, «феромонить».

Пару раз появившись у Магды на работе, Томка произвела там эффект цунами. Кроткую и трепетную Любовь Моисеевну она шокировала своей одеждой, ярким макияжем, но более всего – привычкой употреблять в разговоре непечатные слова. Вежливого Бориса Михайловича Томка буквально вгоняла в ступор. При виде его Томка опасно оживлялась, и вокруг нее начинало клубиться и искриться такое мощное облако летучей химии соблазна, что бедный Борис Михайлович столбенел и терял дар речи. Магда, оттаскивая Томку подальше, шипела сквозь зубы:

– Лушина, перестань феромонить шефа!

Томка встряхивалась, как мокрая собака, возвращалась в нормальное состояние и настаивательно говорила:

– Пикап – это спорт! А в спорте главное – постоянный тренинг!

Но самое удивительное впечатление Томка производила на Симону Юрьевну, заместительницу Бориса Михайловича, про которую все знали, что по паспорту она Серафима, но никто об этом и заикнуться не смел. Шумная, самоуверенная, категоричная Симона с командным голосом в присутствии Томки терялась и спешила убраться подальше, что доставляло немало злорадного удовольствия тем, кого заместительница доставала своей капризной въедливостью.

Симону Томка «выводила за скобки» простым приемом: при встрече она окидывала ее изумленным взглядом с головы до ног и пожимала плечами. На подвижной, выразительной Томкиной физиономии при этом такими большими буквами было написано: «Боже! Ну и чучело!», что Симона теряла всю наглость и хамовитость и старалась побыстрее убраться с ее пути.

Пару раз «выпав за скобки», Симона вызвала к себе Магду и потребовала навсегда исключить Томкино присутствие в их конторе:

– Не понимаю, Магда, что может вас связывать с этой вульгарной особой, но чтобы ноги ее здесь больше не было!

Магда могла бы сказать, что все Томкины выкрутасы – это только приемы, наработанные в борьбе за жизненное пространство. По словам Томки, мир высокого искусства, в котором она вращалась, населен акулами и крокодилами, слабым в нем не место! Но на самом деле, внутри этой крутой пикаперши и стервы сидела обычная русская баба, не слишком счастливая, но добрая и жалостливая, любящая детей и животных. Это Томка принесла Игорю и Магде подобранный где-то на задворках филармонии живой скелетик, обтянутый рыжей шкуркой, из которого вырос потом кот Васюган. У самой Томки уже жили к тому времени четыре кошки и выброшенная кем-то черепаха. Магда могла бы все это рассказать Симоне, но опасалась, что та ее не поймет...

Конфликтовать с начальством Магде все-таки не хотелось, поэтому она сделала все от нее зависящее, чтобы Томка больше не появлялась в их конторе. Вчерашнюю угрозу Томки «прилететь на помеле» она восприняла всерьез и мигом согласилась встретиться с подругой в «кофейной хазе».

... Они взяли кофе, вазочки с мороженым и устроились за своим любимым столиком у окна. После уличной жары кондиционированный воздух кафе казался Магде слишком прохладным, она ежилась и спрашивала себя, какого черта она взяла мороженое? Впрочем, можно подождать, когда Томка слопает свою порцию, и впарить ей вторую – от сладкого Лушина отказаться не в силах.

Она отхлебнула кофе и вопросительно взглянула на Томку. Скажет та, наконец, ради какого неотложного дела оторвала ее от работы? И сразу поняла: подруге не до нее.

Томка опять играла глазами, губами, ресницами и бровями. На ее сияющем лице крупными буквами было написано: «О боже, какой мужчина!» Смотрела она мимо Магды. Можно было не оборачиваться, и так ясно: за соседним столиком сидит достойный объект.

– Лушина! Заканчивай феромонить! – возмутилась Магда.

Томка опомнилась.

– Ой, прости-и! Это я чисто рефлекторно, по доброте душевной! Ты только глянь, какой членисторукий! Надо его взбодрить! А то, поди, к девчонке и подойти-то боится!

Магда оглянулась. Сзади, через столик от них, сидел худосочный, прыщавый парнишечка лет семнадцати, один из тех закомплексованных, сексуально озабоченных подростков, которых Томка называла «членисторукими». Глаза у пацанчика были недоумевающие и несчастные, густая краска медленно отливала от лица.

– Совсем ты очумела, Лушина! На детей уже кидаешься, – возмутилась Магда. – Давай, говори немедленно, в чем дело, зачем ты меня с работы сдернула? А то встану и уйду!

– Щас! – Томка сунула в рот ложечку с мороженым, облизала ее, отхлебнула кофе и уставилась на нее круглыми карими глазами. – Магда, ты видела новую секретаршу Игоря?

– Нет, не видела пока, – сказала та, чувствуя, как зануло сердце – Томкины слова напомнили о недавней трагедии.

Месяц назад погибла прежняя секретарша Игоря – маленькая, белобрысенькая Ева, которую Игорь звал Евочкой-припевочкой за ее привычку вечно напевать что-то себе под нос тоненьким голоском. Евочку, возвращавшуюся вечером домой, насмерть сбила машина. Водителя-убийцу так и не нашли. . .

Евочку любили все, на похоронах многие плакали. У нее остались мама-пенсионерка и маленький сын. Игорь сделал все, чтобы помочь – малыша устроили в хороший садик, маме нашли ставку офис-менеджера, помогали деньгами. . .

Новую секретаршу на место Евочки взяли почти сразу – работы было много. Магда пока не видела ее, она давно не забегала на работу к Игорю, но слышала, что это молодая, яркая женщина, очень ухоженная и совсем не похожая на простенькую, с детским лицом, Евочку.

– Так вот, эта новая секретарша. . . – вернула ее к действительности Томка. – Магда, ты только не расстраивайся. . .

– Да в чем дело-то? – уже чувствуя недоброе, поторопила та.

– Мне Антон сказал. . . Магдочка, ты только не расстраивайся. . . Но ты должна знать! Антон сказал, что у Игоря. . . э-э-э. . . роман с секретаршей! Магда, с этой стервой надо разобратся! Давай с тобой пойдем и. . .

– Так, стоп! – Магда хлопнула ладонью по столу. – Во первых, это неправда! Я бы увидела, Игорь не умеет ничего скрывать! Во-вторых, если что-то подобное произойдет, Игорь сам мне скажет, он очень порядочный человек и не будет меня обманывать. В-третьих, все, что исходит от Антона, я делю на десять! Да я вообще не верю ни одному его слову! И ни с кем я разбираться не пойду! Я никогда не унижусь до подобных разборок!

Она разгорячилась, ее зеленые глаза яростно засверкали, и Томка, зная: когда Магда в таком настроении, спорить с ней бесполезно и даже опасно, – виновато шмыгнула носом и печально спросила:

– Вот почему ты так не любишь Антона?

– Вот почему ты его так любишь? – вопросом на вопрос ответила Магда.

Отодвигая от себя чашку с недопитым кофе и вазочку с нетронутым мороженым, она жестко сказала:

– Я пошла. Мне некогда обсуждать глупости, которые выдумывает Антон. И ты, если не хочешь со мной поссориться, больше эту тему не поднимай! И не ходи сейчас за мной!

– Я думала, ты меня до филармонии подбросишь, – жалобно занула Томка. – Нам же по пути!

– Сама доберешься! – Магда подвинула к ней вазочку с мороженым. – Лопай, я не трогала!

Она резко повернулась и быстро двинулась к выходу. Проходя мимо «членисторукого», Магда поймала на себе его испуганный взгляд. Почему-то от этого настроение у нее испортилось еще больше. Толкнув тяжелую дверь, она вывалилась из полумрака кафе в слепящую жару улицы и, нащупывая в кармане брюк брелок, пошла к машине. Сев за руль, Магда несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, стараясь успокоиться.

– Это неправда, неправда, неправда! – вслух сказала она сама себе. Но черная змея сомнения уже заползла в ее сердце и свернулась там, мешая дышать и жить. . .

Почесывая теплое брюхо Васюгана, Магда сидела на балконе, раздумывая, как ей теперь быть. Прямо спросить у Игоря, не изменяет ли он ей с секретаршей? Не поворачивается язык. Ничто в поведении Игоря не говорило о его тайной жизни. Вдруг все неправда, и она обидит

его своим вопросом? Выяснить что-то окольными путями? Следить за Игорем, обнюхивать одежду, читать тайком эсэмэски? Тьфу! Никогда она не унижится до этой пошлости!

Может быть, оставить все как есть, не верить Лушиной? Тем более информация исходит от Антона. Антон... Еще одна болевая точка в ее отношениях с Игорем!..

Когда Игорь Шевцов знакомил ее со своими друзьями, Магда была уверена: все они станут и ее друзьями тоже. Почти так и произошло. Почти...

Немногословный, добродушный Дима Батищев в шутку называл себя «рыботорговцем и рыбовладельцем» – он торговал аквариумными рыбками. В его магазинчик Магда иногда заходила полюбоваться подводным миром. Обычно это бывало после сцен и выговоров, которые ей время от времени устраивала Симона. Она приходила и садилась напротив большого аквариума, занимавшего одну из стен магазина. Голубоватая вода, зеленые заросли водных растений, яркие, нереально красочные рыбы, рыбины и рыбки, занятые своей загадочной жизнью, – этот волшебный мир завораживал и умиротворял. Дима поил Магду чаем и рассказывал истории из жизни рыб, а она переводила ему статьи из английских ихтиологических журналов. Дима был своим человеком, так же, как и Вован Пронин – резкий, насмешливый, умный «журналиста», обладающий острым и злым языком. Вован недавно уехал в Москву и теперь работал в одной из столичных газет...

Дима и Вован были армейскими друзьями Игоря. Они вместе служили в десантных войсках, каждый год в день ВДВ бросали работу и уходили шататься по городу и купаться в фонтанах.

Да, и Дима, и Вован были своими, с каждым из них Магда могла часами болтать, пить чай-кофе, принимать мелкие знаки внимания. Она дружила и с женой Димы Юлькой, и с Вовкиной подругой Риммой – фоторепортершей, укатившей вместе с ним в Москву и строчившей оттуда Магде длинные эсэмэски о том, какие гиены и росوماхи окружают ее теперь и как она скучает по их прежней тайгинской компании.

Антон к числу армейских дружков не принадлежал, его вообще не взяли в армию из-за плоскостопия. Он был одноклассником Игоря. Игорь говорил, что в школе они с Антоном не очень-то дружили, но во взрослой жизни оказались нужны друг другу. Игорь в то время начал свой строительный бизнес, и ему понадобился человек, понимающий в финансах. Антон, окончивший экономический факультет Тайгинского университета, сидел тогда без работы. Он стал финансовым директором в фирме Игоря, а потом и влился в компанию старых друзей.

Антон не понравился Магде с первого взгляда. Она сразу увидела, что это за человек. Нарцисс...

Красавчик... Стройный, с тонким, интеллигентным лицом, красивыми карими глазами, полуприкрытыми выпуклыми веками, с капризно вырезанными губами и волнистыми каштановыми волосами, подстриженными скобкой. Ухожен и подчеркнута щеголеват. В одежде ни одной случайной детали – все подобрано по цвету и фасону, начищено и отглажено. И еще высокомерный взгляд из-под выпуклых век и особая манера как бы постоянно смотреть в невидимое зеркало и любоваться собой...

У Томки Лушиной, когда она впервые увидела Антона... «в зобу дыханье сперло», по ее собственному выражению. Она стала громко шептать Магде в ухо: «Боже, какой красавец!» и прямо завибрировала вся, источая феромоны...

Но Магде претила эта женственная красота. Антон ей не нравился – и все!

И еще Магда была вынуждена признаться самой себе: Антон Чечетов неприятен ей не только сам по себе – некоторыми чертами он сильно напоминал ей ее собственного отца, и это были не самые приятные воспоминания...

Она старалась не показывать своей неприязни, но Антон, видимо, ее чувствовал. Когда они встречались, он не отводил от Магды глаз, и его губы кривились в презрительной усмешке. Кроме того, он донимал ее плоскими, постоянно повторяющимися шуточками, дурацкой клич-

кой «Магдуля». Эта настырная, недобрая взглядчивость, постоянные колкости, на которые и ответить-то было нельзя, потому что нельзя отреагировать на глупость, не унижая себя, – все это выводило Магду из себя. Она дорого бы дала, чтобы никогда не сталкиваться с Антоном, но это происходило постоянно: Игорь достался ей в комплекте с Антоном, и от этого никуда было не деться.

Бедная Томка между тем страстно влюбилась в Антона. И безответно. Антон игнорировал ее, никакие феромоны на него не действовали, и Томка, растеряв всю свою самоуверенность, рыдала Магде «в жилетку»:

– Ему не нравятся толстухи! Конечно, он же такой тонкий, такой...

– Может, он как раз *не такой*? – перебивала ее Магда. – Нетрадиционной ориентации?

– Не смей так про него! – ошетиливалась Томка. – Он настоящий мужчина!

Она продолжала упорно осаждать и «феромонить» Антона и все-таки добилась кое-каких успехов. Конечно, о большой любви и серьезных отношениях речь не шла, но Антон удостоил Томку вниманием и время от времени снисходительно спал с ней. Такое отношение к подруге не прибавляло симпатии к Антону. Магда была твердо убеждена – Томка еще заплачет от своего кумира.

Окончательно Магда невлюбила Антона после одного случая. Как-то она забежала на работу к Игорю и, разыскивая его, заглянула в бухгалтерию. Остановившись в дверях, она услышала, как Антон распекает старенького бухгалтера Сергея Ивановича Волохова.

– Слушайте, вы, Олухов! Каким идиотом надо быть, чтобы допускать такие ляпы! Что, в детство впадаете? Мозги холестерином забились? Так сидите дома! У нас тут не богадельня! Ваши заскоки денег стоят! Если вашу квартиру продать вместе с вами, и то не отобьем! Увольнитесь, к чертовой матери, по собственному, или...

Тут Антон заметил в дверях Магду и осекся. Она молча вышла и тихо закрыла за собой дверь.

Сергею Ивановичу было семьдесят и, конечно, ему давно пора жить на покое, а не ездить каждый день на двух автобусах на работу и не сидеть весь день, подслеповато шурясь, за компьютером, с трудом освоенным, пугающим... Но у него была безвыходная семейная ситуация. Шестнадцать лет назад его единственная дочь умерла, оставив им с женой новорожденную внучку. Старики воспитывали девочку как могли, но, видно, что-то недоглядели – год назад она родила близнецов. Отец был неизвестен, денег в семье не хватало, и старик просто не мог позволить себе оставить работу.

Магда, сидя в машине, дождалась, когда выйдет Волохов, и махнула ему рукой:

– Сергей Иванович! Еду в вашу сторону, садитесь! Вместе веселее!

Всю дорогу Магда оживленно болтала, делая вид, что не замечает угнетенного состояния старика. Она довезла его до дома и дождалась, пока его сгорбленная, шаркающая фигура не скрылась в подъезде...

Магда долго колебалась, рассказывать ли об увиденном и услышенном Игорю, и в конце концов решила. Игорь помрачнел и ничего ей не ответил, но с Антоном, видимо, побеседовал. Сергей Иванович продолжал работать в бухгалтерии, а Антон стал смотреть на Магду с еще более ехидным прищуром и кривой усмешкой.

Словом, для Магды Антон был чужим, человеком другой крови и вызывал у нее реакцию отторжения на уровне иммунитета. Сейчас, сидя на балконе, с Васюганом на коленях, она удивлялась себе и досадовала.

Ну почему гнусная сплетня про Игоря и новую секретаршу, пущенная Антоном, так задела ее? Она оборвала вчера Томку, поставила ее на место – вот и правильно, молодец! Но почему муть, поднявшаяся в ее душе, так и не осела? Что с ней случилось? Как будто Антон нащупал тайные кнопки в ее душе и теперь нажимает на них, заставляя ее подчиняться своей

воле? Как ей вывернуться из-под этого подлого контроля? Что сделать, чтобы успокоиться, стать прежней, спокойной, счастливой?

Антон хочет посорить ее с Игорем, это ясно, как божий день. Он натравил на нее Томку, он вбил ей в голову эту ложь, и дурочка, ослепленная любовью, поверила. Но она-то, Магда!..

Игорь, видимо, ни о чем не подозревает. Она не заметила, не почувствовала в нем ни малейших признаков чего-то необычного. Никаких бегающих глаз, виноватых улыбочек. Он такой же, как всегда, по-прежнему смешливый, ребячливый, отзывчивый. Все то, что она так любит в нем, осталось на месте. Он по-прежнему ее любимый, он – ее, и точка!

Рассказать Игорю, какие байки сочиняет про него его дружок-одноклассничек? Ну, пожалуй, она не сможет... Не любит она ябедничать... Когда дело касалось судьбы несчастного Сергея Ивановича – да, она переступила через себя, а сейчас... нет, не сможет!

Может быть, как-нибудь потом, под рюмочку, в один из тех вечеров, которые они с Игорем время от времени устраивают для себя, когда только он и она... Посмеиваясь, она расскажет ему, не упоминая Антона, про свою ревность и глупые подозрения, а Игорь мигом испечет на эту тему веселый стишок... И они будут смеяться над этой ерундой...

Она крепко заснула прямо в шезлонге, и даже прохладный ветерок, подувший под утро, не разбудил ее. Она только съезжилась и подтянула повыше колени, а потревоженный кот Васюган недовольно мявкнул и ушел от нее спать в свое любимое кресло...

На следующий день, ближе к обеду, настроение у нее опять изменилось. Магда снова почувствовала смутную тревогу. Она думала, что Томка позвонит, но та не звонила, значит, обиделась. Если обиделась, значит, чувствует себя правой... Неужели что-то все-таки есть, а она – слепая дура?

Чтобы хоть как-то унять тревогу, Магда собралась и поехала к Игорю в офис. Она просто позовет его пообедать, и все...

Она ехала, любясь погожим летним днем. Пробок не было, час пик еще не наступил. Вокруг было так тепло, солнечно, радостно, и только у нее на душе скребли кошки...

Она не позвонила Игорю, не сказала, что едет, и теперь делала вид, что это случайно. Ну не нашла она минутки, чтобы взять трубку и набрать номер, ну как-то в голову ей это не пришло, ну не позвонила и не позвонила, какое кому дело! Но чем больше оправданий она себе находила, тем противнее становилось и тем яснее она понимала: невидимая рука Антона вновь давит на тайные кнопки в ее душе, она снова в его власти, и следует сказать себе откровенно – она едет к Игорю, чтобы застать его с секретаршей врасплох. Да, именно для этого! Она хочет знать правду, несмотря ни на что!

Подъезжая к офису, она старалась вспомнить, как ее зовут, эту секретаршу? Арина... Алина?.. Нет, Алиса! Точно, Алиса. Симпатичное имя...

Магда прошла мимо вахтерши Галины Ивановны, как всегда самозабвенно разгадывающей кроссворд, прошагала по длинному коридору и открыла дверь, на которой висела табличка: «Директор И. П. Шевцов».

Секретарша Алиса сидела в офисном кресле, бегая пальцами по клавиатуре. Она повернула голову на звук открывшейся двери, и в ее глазах мелькнуло странное выражение, явно выходявшее за рамки обычного вежливого внимания. Почему-то это выражение очень не понравилось Магде. Она остановилась и в упор уставилась на секретаршу.

Красивая? Да. Но более всего... лощеная, вылизанная, как глянцева картинка... Офисная блузка нереальной, слепящей белизны, со строгим отложным воротником, идеально отглаженная... Но остроконечный воротник расстегнут так, что длинная гладкая шея видна вся, до самой ложбинки груди... Изящный золотой кулон – две рыбки, изогнувшись, образуют маленький, сверкающий круг на тонкой, невесомой цепочке... Темные волосы коротко подстрижены и уложены волосок к волоску... Тонкие черные брови четко прорисованы... Карие глаза в густых

ресницах... Сдержанный искусный макияж, но губы яркие, вишневые, и такой же идеально подобранный по цвету лак на ногтях... Эффектная цветовая гамма – черное, белое, вишневое. Ну прямо глаз не отвести! И духи... Очень хорошие духи!

Магда никогда не комплексовала по поводу своей внешности, но сейчас было от чего загрустить: на фоне этой Алисы она выглядела как серая мышь.

– Добрый день, – вежливо сказала Магда. – Игорь Петрович у себя?

– Да, – с таким же вежливым холодком ответила Алиса. – Проходите!

Магда мимоходом удивилась – секретарша не задала ей никаких вопросов – кто, что, по какому делу? Непрофессионализм? Или эта Алиса знает, кто она такая?

Игорь сидел, уставившись в компьютер. Магда подошла, села напротив, и только тогда он заметил ее присутствие.

– Муха! – удивился он. – Что случилось? Ты как здесь? Почему не позвонила?

Магда молча смотрела на него.

– Му-ха! – голос Игоря стал испуганным. – Что случилось?

– Да ничего не случилось, – она поглядела Игорю в глаза – обычные, темно-серые, любимые, обеспокоенные. – Просто соскучилась по тебе, хотела позвать на обед. Поедем куда-нибудь, поедим, поболтаем!

– Мушка! – Игорь страдальчески сморщился. – Невпроворот работы! Поверишь, пописать сбегать некогда! Давай здесь кофейку попьем, а? Алиса такой кофе варит! И печенье у нее есть обалденное!

От обиды кровь бросилась в голову Магде.

– А ты не обалдеешь от этого обалденного печенья? – голос у нее зазвенел. – А от кофе описалась еще! Неловко будет перед Алисой, да и в мокром кресле сидеть противно!

– Муха, ты чего? – Игорь ошарашенно смотрел на Магду. – Обиделась, что ли? Ну не злись на меня, Мушенция! Когда ты злишься, я пятый угол искать начинаю!

– Я Магда! – злым звенящим голосом отчеканила он. – Не Муха, не Мушенция, а Магда! – Она начала было подниматься из кресла, чтобы уйти и хлопнуть дверью, но тут в кабинет вошла секретарша с папкой.

– Игорь Петрович, подпишите, – мелодично пропела она, положила перед ним папку и раскрыла ее.

Магда, окаменев в кресле, молча наблюдала эту чудную сцену. Игорь подписывал бумаги. Алиса, изящно склонившись над ним, перекладывала подписанные листы на другую сторону, как будто Игорь не мог сделать этого сам. Теперь Магда видела секретаршу целиком – и короткую черную юбку, и ноги в тонких колготках, и черные туфли на шпильках с маленькими золотистыми пряжками – все это также было безупречно.

Руки Алисы мелькали перед глазами Игоря – белоснежные рукава, длинные тонкие пальцы, вишневый маникюр... Золотой кулон, выпав из выреза блузки, поблескивал, качался на тонкой цепочке, притягивая взгляд. Магда видела, как Игорь, покосившись на кулон, нырнул глазами в вырез блузки и покраснел... Она невольно дернулась в кресле. Алиса, боковым зрением поймав ее движение, слегка повернулась и посмотрела на нее с тем же самым выражением, с каким встретила ее в приемной, и Магда наконец поняла, что это – усмешка, враждебная наглая усмешка...

Наконец Игорь размашисто подписал последний лист, Алиса, захлопнув папку, повернулась и, не взглянув на Магду, ушла. Игорь выпрямился и длинно выдохнул, надув щеки. Краска медленно сходила с его лица.

– Знаешь, Антон предлагает в субботу поехать на дачу, – заговорил он делано беззаботно. – Шашлыки там... Винца попьем... Лушу возьмем, Димку с Юлей... Антоха хочет еще Алису пригласить... Мы к субботе с авралом уже управимся. Отдохнем, покупаемся... Ты как?

– Антон что, дачу купил? – холодно спросила Магда.

– Да нет, на нашу...

– Вот как, – усмехнулась она. – Несколько бестактно со стороны Антона приглашать гостей на чужую дачу, не находишь? И зачем ему там Алиса, если будет Лушина?

– Ну-у... – неуверенно протянул Игорь. – Антон говорит, что они с Лушей разбегаются, вроде... Он на Алису глаз положил...

– На эту Алису не только глаз положить – пробы поставить негде! Вся и так уже обглажена!

– Брось, Муха, секретарша как секретарша, кофе варит... – неуверенно начал Игорь, но Магда перебила его:

– Я – Магда! И Антон твой врет! Томка мне не говорила, что они расстаются!

– Ну, не знаю... Это их дела... В любом случае на дачу-то можно поехать...

– Без меня! – она встала и двинулась к двери, но обернулась и добавила: – И без Томки тоже!

В приемной напротив Алисы сидела курьерша Яна, перед ними стояли кофейные чашки. Склонившись друг к другу, они о чем-то шептались. Увидев Магду, обе смолкли. Лицо Яны стало испуганным, и Магда поняла: говорили о ней.

Решительным шагом, с выпрямленной спиной, она прошла через приемную и вышла в коридор. Уже закрывая дверь, она услышала, как Алиса сказала негромко, но вполне отчетливо, явно рассчитывая, что Магда ее услышит:

– Ничего, ей уже недолго здесь осталось!..

К вечеру Магда успокоилась и теперь уже чувствовала себя виноватой. Она давно дала себе слово бороться со своей вспыльчивостью и вот опять не сдержалась! Да, ее вывела из себя эта секретарша, но Игорь-то при чем, с чего она на него набросилась? Всего-то похвалил Алисин кофе да кинул взгляд ей за пазуху. А что делать мужику, когда ему тычут бюстом в физиономию? Нормальная мужская реакция. Эта Алиса нарочно вела себя так, провоцировала и Игоря, и ее саму, а она «купилась» как глупая ревнивая курица!

Да, она виновата, ей и идти на мировую...

Магда съездила на рынок, купила свежих овощей и мяса, приготовила окрошку – Игорь в жару обожал эту похлебку. Она ждала Игоря, чтобы сказать ему: он прав, а она чувствует себя полной дурой. Игорь посмеется, сочинит очередную «вопилку», и все станет как прежде...

Она ждала Игоря, а он все не приходил. Телефон его был недоступен. Промаявшись часа два, Магда позвонила на вахту.

– Галина Ивановна, Игорь Петрович еще на работе?

– Здесь, здесь, – охотно отозвалась вахтерша. Слышно было, как у нее орет телевизор. – Сам домой не идет и людей держит! Не думают начальники о людях! Им как мусор, нет бы зарплату прибавить, да отдыху дать, или путевочку бесплатную в санаторию! Раньше бы ему профком укороту дал, а теперь некому, что хочет, то и воротит!

– А кто там еще с ним? – осторожно спросила Магда.

– Алиска сидит, секретутка его, – с удовольствием ответила Галина Ивановна. – Кофий ему варит! Сам он, видите ли, сварить не может!

– Спасибо, – сухо поблагодарила Магда и положила трубку.

Она бессмысленно походила по квартире, заглянула в холодильник, где стыла кастрюля с окрошкой, подумала, не вылить ли ее в унитаз, но не стала – окрошка не виновата. Еще походила, включила и выключила телевизор, позвонила Томке Лушиной, но та тоже была недоступна, наверное, у нее концерт или репетиция, в других случаях она телефон не выключает... Магда остановилась у зеркала и поглядела в лицо своему отражению. То, что она увидела, показалось ей отвратительным, она отвернулась и снова стала слоняться по комнатам. Ни сидеть, ни лежать она не могла, движение хоть как-то отвлекало ее от мрачных мыслей...

Наконец, когда уже совсем стемнело и ждать стало совсем невыносимо, в замке заворочался ключ. Васюган стек с кресла и скользнул в прихожую. Магда подумала секунду и тоже двинулась туда. Она остановилась в проходе и прислонилась к дверному косяку, засунув руки в карманы свободного домашнего сарафана.

Игорь сидел на тумбочке для обуви, устало вытянув длинные ноги и откинувшись на стену. Лицо его было измученным и бледным, глаза красными. Васюган вился вокруг него, терся об ноги, громко урчал.

Магда молча стояла в дверях. Васюган подошел к ней, потерялся об нее и снова двинулся к Игорю. Рыжий кот как будто чувствовал, что между его хозяевами происходит что-то неладное, и сновал между ними как челнок, как будто тянул за собой невидимую нить и старался связать их, снова притянуть друг к другу...

– Есть будешь? – спросила Магда, чувствуя, как холодно и отчужденно звучит ее голос.

– Нет, – Игорь помотал головой и поднялся на ноги. – Устал очень. В душ и спать...

– Интересно, от чего ты так устал? – сквозь зубы процедила она, но Игорь, не ответив ей, скрылся в ванной. Он ни разу не посмотрел Магде в глаза, и это ее ужаснуло.

Васюган сидел у ног Магды и, задрав голову, вопросительно смотрел на нее круглыми янтарными глазами.

– Пошли, Васечка, – сказала она ему, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно. – Пошли, я тебе колбаски дам!

Спать она легла в гостиной и всю ночь проворочалась без сна на неудобном диване. Игорь не сказал ей на это ни слова.

...С этого дня началась другая жизнь. Игорь стал странным. Он уходил рано утром, приходил поздно вечером и ложился спать. С Магдой он почти не говорил, если она о чем-то спрашивала, отвечал односложно, иногда только междометиями и жестами, и она, уязвленная этим, перестала задавать вопросы. Через несколько дней они вообще перестали разговаривать и жили рядом как чужие люди. А главное, Игорь никак не реагировал на то, что Магда переселилась из спальни в гостиную, как будто это было самым обычным делом. Это задевало ее больше всего.

Поделиться горем Магде было не с кем. Дима и Юлия Батищевы уехали отдыхать в Таиланд, Томка Лушина со своим оркестром гастролировала по области. Ни по телефону, ни в интернете обсуждать свои дела Магда не хотела.

Она не знала, как ей поступить, поведение Игоря выбивало ее из колеи. Надо было поговорить начистоту, выяснить отношения, но пробиться к Игорю она не могла. Он говорил: «устал», «потом», «завтра» и уходил. Никакого «завтра» и «потом» не наступало, и это было невыносимо. Она чувствовала себя униженной, ненужной, путающейся в ногах.

Грубых слов Игорь не говорил – ей не в чем было его упрекнуть. Но и ласковых слов, шуток, «кричалок-вопилок» тоже теперь не было. Он больше не называл ее Мухой...

Она с горечью вспоминала, как сама кричала ему: «Я – Магда!» Да, как говорится, каждый – кузнец своего несчастья.

...Магда считала себя женой Игоря. Они жили вместе, у них был общий дом, общий бюджет. Игорь давно уже сделал ей предложение, и она его приняла. Он подарил ей кольцо, которое она называла «помолвочным». Они только никак не могли дойти до ЗАГСа. Все было некогда, откладывалось на потом...

Сейчас Магда вдруг стала задумываться: она живет в своем доме или «у Игоря»? И все, что вокруг – мебель, посуда, техника – насколько «ее»? Раньше у нее не было никаких сомнений, а теперь только они и остались. Жить так дальше было невыносимо, надо срочно выяснить отношения.

В субботу Игорь уехал из дома с утра и вернулся поздно вечером. Магда задавала себе бесполезные вопросы, на которые не было ответов. Где он? Уехал на пикник? С Алисой и

Антоном? А может быть, только с Алисой? Вернувшись поздно вечером, он ничего ей не сказал. В воскресенье все повторилось...

С понедельника потянулась нескончаемая новая неделя. Магда поймала себя на том, что перестала торопиться домой. Мучительно было приходиться в пустую квартиру и слоняться до темноты по пустым комнатам. А когда Игорь все-таки возвращался, невыносимо было встречаться с его пустым отрешенным взглядом. Тяжело и даже страшно...

Терпеть это стало невозможно, но Магда все-таки решила подождать до выходных. В субботу был ее день рождения. Игорь никогда про него не забывал, но в этот раз Магда не ждала ни цветов, ни подарков, только одного – может быть, он хотя бы очнется, поздравит, и можно будет заговорить, о чем-то спросить, что-то понять...

До субботы еще три дня, целая вечность. Но Магда надеялась: вдруг все разрешится раньше? На работе она вынимала из сумки телефон и клала его рядом – вдруг Игорь позвонит. Вот сейчас, через минуту телефон оживет и заговорит голосом Игоря – у нее вместо звонка стояла Игорева «кричалка»...

Магда всегда пилила Игоря за то, что он говорит не «звонИт», а «звОнит». Он посмеивался, обзывал ее «лингвисткой-формалисткой», объяснил, что в той среде, где он вращается, – в обществе прорабов, бетонщиков, каменщиков – все так говорят: «звОнит». А когда она его окончательно допекла, назвала безграмотным пнем, Игорь сочинил на эту тему «кричалку», наговорил ее на диктофон и установил на телефон Магды вместо звонка. Теперь, когда Игорь звонил, телефон начинал выкрикивать его голосом:

«Если звбнит телефон,
То, конечно, это он!
Твой безграмотный пенек,
Твой любимый Игорек!»

Магда ждала, но телефон молчал. А когда она звонила сама, Игорь странным, безразличным голосом говорил, что занят, и бросал трубку. Она ждала дальше, а телефон молчал...

В пятницу Магда проснулась в странном приподнятом настроении. Наконец-то нескончаемая неделя закончилась! Сегодня нужно купить продуктов и приготовить что-нибудь повкуснее. Может быть, Игорь освободится пораньше, они поужинают вместе, поговорят, помирятся. Пора кончать с этой глупой ссорой, которая измучила ее.

Игоря уже не было дома. Магда сварила себе кофе, накормила Васюгана, долго торчала перед зеркалом, наводя красоту. Она даже напевала что-то себе под нос. Почему-то ей казалось, что сегодня все будет хорошо.

На работе, щелкая клавишами компьютера, она прикидывала, чего и сколько ей нужно купить. Поездку за продуктами она наметила на обеденный перерыв и нетерпеливо поглядывала на часы.

Время уже подходило к двум, когда телефон на столе ожил. На экране появилась фотография Игоря, и раздались первые звуки «кричалки»: «Если звонит телефон...»

Ну вот, она же чувствовала! Магда нетерпеливо схватила трубку.

– Да, Игорь, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и приветливо.

– Магда, – сказал Игорь, и настроение у нее резко упало. Магда! Не Муха, не Мушенция – Магда! Значит, он ее так и не простил!

– Да, – уже безнадежно сказала она.

– Ну, в общем, ты ведь сама уже все поняла... Давай друг другу нервы не мотать, разбежимся по-хорошему... Тут Алиса вещи твои уже собрала, ты сегодня забери, не тяни волынку... Але, слышишь меня?

– Слышу, – еле выговорила она помертвевшими губами.

– Когда приедешь? – спросил Игорь. Этот деловой тон, как будто речь шла о самых обычных делах, окончательно добил Магду.

– Сейчас, – сказала она, и голос ее сорвался.

– Хорошо, – сказал Игорь и отключился.

Магда не знала, сколько времени она просидела как оглушенная, глядя на потухший экран телефона, не в силах понять, как могло случиться то, что случилось. Она не могла это понять, осознать, принять... Может быть, ей приснилось? Могла ведь она заснуть невзначай и увидеть дурацкий, нелепый сон...

Она взяла телефон, потыкала кнопки... Нет, вот звонок Игоря в принятых вызовах, время – тринадцать сорок... Она посмотрела на часы... Да, все верно... Ей не приснилось...

Тише, сказала она себе, тише... Сейчас нельзя об этом думать, иначе можно сорваться... Сейчас главное... а что сейчас главное? Что ей делать сейчас? Да... она же что-то обещала... Ну да, забрать вещи... Нужно ехать домой... домой... уже не домой...

Она заставила себя встать, выключить компьютер, взять сумку, телефон и двинуться к выходу. Она старалась контролировать все – походку, осанку, выражение лица, не позволяя никому догадаться, что внутри она мертвая...

Сев за руль, она приказала себе не думать ни о чем, кроме дороги. Получилось у нее или нет, Магда толком не поняла, но доехала благополучно. Дом, который она еще сегодня утром считала своим, стоял на месте. Слабо удивившись этому, она припарковалась на привычном месте и заглушила мотор. Уже открыв дверцу машины, она вдруг сообразила, что обратно она на ней уже не поедет. Машину ей подарил Игорь, и она теперь тоже была не ее...

Магда прикрыла дверцу и внимательно оглядела салон. Вроде бы порядок, чисто... Открыла бардачок и выгребла оттуда всякую мелочь – несколько маленьких шоколадок, пачку бумажных платков и запасные колготки. Запихнув барахло в сумку, она еще раз огляделась и вылезла из машины.

Выйдя из лифта, она стала привычно искать ключи, и сегодня они почему-то отыскались быстро. Она собиралась отпереть замок, как дверь неожиданно распахнулась.

На пороге стояла Алиса.

В ярком свете, падающем из прихожей, она была видна вся, во всей своей идеальной красе. Сейчас на ней не было офисного костюма, только коротенькие шорты, яркая обтягивающая майка и шлепки из подошвы и ремешков, но она все равно выглядела как глянцевая картинка – волосы, уложенные волосок к волоску, загорелая, лоснящаяся кожа открытых рук и ног, вишневая помада, гармонирующая уже не только с маникюром, но и с педикюром, и запах хороших духов.

– А, это ты! Быстро, молодец! – сказала Алиса и посторонилась в дверях. – Проходи!

– ПроходиТЕ, – твердо поправила ее Магда и прошла в свой бывший дом.

В прихожей стоял ее чемодан, набитый вещами, рядом пакет, в котором тоже были шмотки... Она заставила себя подавить все эмоции, поднявшиеся в ней при виде этого скарба, приготовленного на выброс вместе с ней. Не глядя на Алису, положила на тумбочку связку ключей.

– ПройдиТЕ, посмотриТЕ, не осталось ли чего, – насмешливо акцентируя последний слог, предложила Алиса. – Чтобы уж больше не встречаться, знаеТЕ ли.

Магде не хотелось проходить и смотреть, сейчас ее меньше всего беспокоила судьба какой-нибудь забытой вещички. Но ей хотелось попрощаться с Васюганом. Поэтому она молча обогнула Алису и прошлась по комнатам.

В квартире что-то неуловимо изменилось. Не так стоял цветок на подоконнике, стопка журналов переместилась с журнального столика на диван, не было смешного зайца, всегда

сидящего на тумбочке у кровати. Наверное, Алиса засунула его в чемодан, правильно определив, кому он принадлежит... И еще в квартире стоял стойкий чужой запах...

Васюгана нигде не было, наверное, спрятался, как всегда, когда в дом приходили чужие. Магда не могла при Алисе звать его, она знала, что сразу он ни за что не выйдет, а бормотать «кис-кис-кис» под ее насмешливым взглядом казалось унижительным. Она молча постояла посреди чужой квартиры и вышла, подхватив пакет и катя за собой чемодан...

Магда машинально пошла было к машине, но вспомнила, что этого делать не надо, и свернула на дорожку, ведущую к выходу со двора.

– Магда Валерьевна-а! – услышала она громкий крик и обернулась.

К ней бежал через двор Стасик, водитель Игоря, молодой, единственный, кто звал ее по отчеству.

– Стасик, – удивилась Магда. – Ты как здесь? Игоря Петровича привез?

– Нет. Магда Валерьевна, я вас ждал. Ждал-ждал, проголодался, побежал за пирожком и пропустил... Гляжу, а вы уже идете... Меня уволили, Магда Валерьевна!

– За что? – удивилась она.

– Не знаю... Уволили и все... Велели машину вымыть и на стоянку поставить... Магда Валерьевна...

– Стасик, – перебила его она. – Извини, но я ничем не могу тебе помочь... Меня саму уволили, можно сказать...

– Я знаю, Магда Валерьевна!.. У нас все уже знают, что Алиска ваше место заняла...

Вот как, все уже знают!..

– Стас, а тебя сам Игорь Петрович уволил?

– Нет, Антон Максимович... Я Игорю Петровичу позвонил, а он говорит: «Делай, что сказано!..» Да я не про себя, вы не думайте, Магда Валерьевна! Я про кота! Не могу я его в лечебницу везти, с души воротит!

– Зачем в лечебницу? – не поняла Магда.

– Мне Алиса велела кота везти усыплять, а я не могу... – Стасик жалобно смотрел на нее.

– Что-о?! Как усыплять?.. Где Васюган?!

– Да в машине у меня сидит, Магда Валерьевна. И я его туда не повезу! Не могу я живое животное... И к себе взять, я на квартире живу, хозяйка не позволяет... Магда Валерьевна, может, вы?..

– Пошли! – Магда решительно свернула и пошла к машине Игоря. На ходу она достала телефон и набрала номер Игоря.

– Да, – откликнулся он. – Магда, ну мы же договорились оставить друг друга в покое!

– Ты с ума сошел?! – закричала Магда. – Ты знаешь, что твоя Алиса велела усыпить Васюгана?

– Знаю, – раздраженно откликнулся Игорь. – У нее аллергия на кошек. В чем проблема? Это всего лишь кот!

– Ты этого кота называл друганом...

– Знаешь, – устало сказал Игорь, – мне сейчас не до глупостей. У меня много дел. И ради бога, не звони мне больше. У нас с тобой все кончено. Я тебе желаю счастья, и все такое... Пока!

– Пока, – сказала Магда и убрала телефон. Почему-то она почувствовала себя бодрее, как будто начала оживать. Она подошла к машине, из которой Стасик уже достал котоноску. Сквозь боковую сетку виднелась рыжая шкура Васюгана. Магда взяла котоноску и спросила:

– Куда же ты теперь, Стасик?

– Да ничего, Магда Валерьевна, – Стасик вытер пот со лба и облегченно вздохнул. – Куда-нибудь устроюсь. Разве меня одного уволили? Много еще кого, кучу народу! Говорят, фирму

продавать будут, дела-то давно неважно шли, долгов куча, людям платить нечем! Вот оно как бывает! Работали-работали, и вдруг рухнуло все... Но кот-то не виноват, его-то за что?

– Не беспокойся, Стасик, с котом все будет в порядке. Спасибо, что дождался меня...

– Магда Валерьевна, давайте я подвезу вас с котом... Вы куда теперь?

Секунду подумав, Магда покачала головой.

– Нет, Стасик, спасибо, мы на такси. А тебе – удачи!

Магда ехала на свою старую квартиру. Они с Игорем пытались сдать ее, но желающих как-то не нашлось – далеко от центра, старая «хрущевка» без лифта, пятый этаж... Игорь и вовсе предлагал эту халупу продать, чтобы «не висела на горбу, не действовала на нервы», но Магда все как-то не решалась, колебалась... Теперь ей казалось, что она предчувствовала: старая квартира еще пригодится...

Эту «однушку» в старом панельном доме на окраине Магде купил отец, когда она окончила школу и поступила в университет. Незадолго перед тем отец объявил ей, что собирается жениться. За полгода до этого умерла его первая жена – мать Магды.

У отца всегда были любовницы – Магда поняла это, едва начав взрослеть. Личная жизнь профессора Ельшева всегда была у всех на виду и на слуху, как и любого неординарного человека. А Валерий Алексеевич Ельшев был, безусловно, неординарен – ярко красив, обаятелен, умен и успешен. Он заведовал кафедрой зоологии беспозвоночных в Тайгинском университете, вечно пропадал то в научных экспедициях, то на научных конференциях и съездах, был известен в научном мире в России и за рубежом. И везде, где бы ни появлялся, он был в центре внимания, окружен роем поклонниц – студенток, аспиранток, молодых коллег-женщин. За ним тянулся шлейф слухов и сплетен...

В детстве Магда обожала отца и гордилась, что папочка такой знаменитый, все его знают и все любят, а девчонки во дворе и в школе ей завидуют, особенно Томка Лушина, у которой отца и вовсе не было, только мать и бабушка.

Для них с Томкой ее отец был человек-праздник. Время от времени они втроем «уходили в загул». Отец вел их в городской парк, где были аттракционы, пруд с утками, детские кафе и киоски с мороженым. Возвращались они вечером, еда волоча ноги от усталости, набегавшиеся-наигравшиеся, до тошноты накачавшиеся-накатавшие на качелях-каруселях, объевшиеся мороженым, переполненные впечатлениями. Это были ее лучшие детские воспоминания...

Повзрослев, Магда начала понимать, что не все любят и обожают папу. Некоторые говорили о нем враждебно или пренебрежительно, и это ранило ее еще сильнее. Тогда она и услышала впервые эти слова – самовлюбленный эгоист...

Магда считала, что это несправедливо. Просто люди завидуют отцу. На свете ведь полно завистников...

А потом, едва дожив до тридцати восьми лет, умерла мать...

Мама была молчаливая, рано увядшая, привычная до полной незаметности. Но с ее уходом рухнула вся прежняя жизнь. Отец почти сразу женился на своей последней любовнице, а Магда оказалась выселенной из квартиры, в которой родилась и выросла...

Все вокруг полагали, что отец поступил правильно и разумно. Даже Томка Лушина считала, что он прав. Но Магде никогда еще не было так больно. Разумно? Да, наверное... Но разве разумна любовь? Она-то считала, что отец ее любит...

Она старалась понять отца. Да, он привык жить в комфорте и уюте, который она, Магда, обеспечить ему не могла, потому что была еще слишком молода и неумела по части домашнего хозяйства. Да, ему нужна была взрослая женщина, а привести новую жену в дом, где живет взрослая дочь, – это рваться на вечные конфликты и скандалы... Да, все правильно, только Магду не покидала мысль, что папочка заботился исключительно о себе любимом. Он и не думал о том, что чувствует при этом дочь...

Она сразу вспомнила слышанное ранее: «самовлюбленный эгоист»...

Магда тогда перевспоминала, пересмотрела кадр за кадром всю свою прошлую жизнь и многое переоценила. Она поняла, почему так рано увяла и утасла мама...

Даже самые счастливые детские воспоминания под ее взрослым взглядом превратились в дешевые фантики. Магда вспоминала их воскресные «загулы» втроем с Томкой, довольный вид отца и понимала: ему очень нравилась эта трогательная картинка – красивый мужчина, как бы одинокий, с двумя хорошенькими девочками. Он любовался своим отражением в восхищенных глазах встречных женщин. Прогулки с дочкой и ее подружкой были необременительны, но доставляли так много удовольствия... Кстати, они никогда «не брали» на прогулки маму, и теперь Магда понимала, почему. В ее присутствии они бы выглядели семьей, а это так неромантично...

Магда вспомнила, чем кончились их воскресные прогулки. Однажды, уже выходя из парка, они встретили очень красивую тетю. Тетя с папой очень обрадовались друг другу, стали разговаривать, а потом папа сказал им с Томкой, что они уже взрослые и могут добраться домой сами. Он быстро поймал такси, усадил туда их с Томкой, сунул водителю деньги и назвал адрес...

Магда с Томкой, очень гордые своей самостоятельностью, благополучно доехали до дома, а вылезая из такси, увидели мать Магды, выходящую из подъезда.

Мама побледнела до синевы и чуть не упала в обморок, а вечером был грандиозный скандал.

Магда впервые слышала, чтобы ее тихая мама так кричала на отца. Он тоже кричал, называл маму «истеричкой» и раздраженно повторял: «Ничего ведь не случилось!» и «Не делай из мухи слона».

На этом их воскресные прогулки прекратились, и Магда очень злилась за это на маму. Много позже она узнала, что как раз в то время в их городе было несколько случаев пропажи детей и вся полиция города искала маньяка...

Узнав о намерении отца жениться и о своем выселении, Магда молча собрала вещи и переехала. Нет, она не выкинула отца из своей жизни: с ним по телефону разговаривала, когда он изредка навещал ее, пила чаем, но потом закрывала за ним дверь с облегчением. Детское обожание и безграничное доверие ушли навсегда...

Магда никогда больше не переступала порога своего родного дома. Она обжила новое жилье, обустроила по своему вкусу, но оно так и не стало родным, на нем так и остался отпечаток горечи и боли.

Отец с мачехой вскоре продали квартиру и уехали в Санкт-Петербург. После этого общение с ним свелось к новогодним поздравлениям...

С тех пор прошло семь лет, целая жизнь. Все, казалось, забылось и поросло быльем, но сегодня вдруг вспомнилось, всколыхнулось, как будто открылась и заныла старая рана.

Сегодня ее снова выгнали из дома...

Магда остановила такси за два дома до своего, расплатилась с водителем, тот вытащил из багажника ее чемодан и укатил. Она постояла, собираясь с духом. Сейчас ей предстоит пройти «сквозь строй», и это придется выдержать... Она глубоко вздохнула, кое-как пристроила в одну руку пакет и ручку чемодана, подхватила другой котоноску с увесистым Васюганом и двинулась вперед.

Ну вот он, ее родной двор. Давненько она не была тут, но ничего не изменилось. Гаражи, песочница с грибком, старый тополь посреди двора, по весне усыпающий землю красными сережками, лавочки возле подъездов... Ну и, конечно, бабки на них – тот самый «строй», сквозь который надо пройти...

Она не ошиблась: уже отсюда было видно, что все отпетые сплетницы дома, как назло, собрались около ее подъезда. Сгруппировались вокруг главного «авторитета» – бабы Руфы.

Баба Руфа, крупная седая женщина, восседала в центре скамейки. Справа и слева от нее сидели «авторитеты» поменьше – баба Настя и баба Надя. И на самом краешке скамейки ютилась «неавторитетная» баба Феня – сухонькая, суетливая и робкая.

Посадочные места на скамейке распределялись в соответствие с негласной, но четкой иерархией. Баба Феня, в отсутствие бабы Насти или бабы Нади, конечно, могла сесть рядом с бабой Руфой, но если кто-либо из вышеупомянутых особ выходил во двор, баба Феня двигалась, освобождая незаслуженное ею привилегированное местечко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.